

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ
ЖИЗНИ

Том 2

МОСКВА

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Городской тариф
Игра на чужом поле	Чувство льда
Украденный сон	Все не так
Убийца поневоле	Взгляд из вечности. Благие намерения
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Дорога
Шестерки умирают первыми	Взгляд из вечности. Ад
Смерть и немного любви	<i>Жизнь после Жизни.</i>
Черный список	<i>Том 1, Том 2</i>
Посмертный образ	Личные мотивы
За все надо платить	Смерть как искусство. Маски
Чужая маска	Смерть как искусство.
Не мешайте палачу	Правосудие
Стилист	Бой тигров в долине
Иллюзия греха	Оборванные нити
Светлый лик смерти	Последний рассвет
Имя потерпевшего никто	Ангелы на льду не выживают
Мужские игры	Казнь без злого умысла
Я умер вчера	Обратная сила. 1842–1919
Реквием	Обратная сила. 1965–1982
Призрак музыки	Обратная сила. 1983–1997
Седьмая жертва	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Когда боги смеются	Горький квест.
Незапертая дверь	Том 1, Том 2, Том 3
Закон трех отрицаний	Другая правда. Том 1, Том 2
Соавторы	Безупречная репутация.
Воюющие псы одиночества	Том 1, Том 2
Тот, кто знает. Опасные вопросы	Отдаленные последствия
Тот, кто знает. Перекресток	Том 1, Том 2
Фантом памяти	Тьма после рассвета
Каждый за себя	Дебютная постановка.
Замена объекта	Том 1, Том 2
Пружина для мышеловки	

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ
ЖИЗНИ

Том 2

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *Gelografic*

Маринина, Александра.

М26 Жизнь после Жизни. Том 2 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-04-221634-3

Разбитое зеркальце на груди, сережка, вырванная из уха, — своеобразная «визитная карточка» убийцы. Кто убил этих двух почтенных женщин — маньяк, одержимый мрачноватыми легендами рода Вяземских, или его изощренный имитатор? Все версии неизменно заходят в тупик. Бизнесмен, чьи начинания в связи с этими преступлениями находятся под угрозой, решил прибегнуть к помощи частного детектива. Так Анастасия Каменская оказалась в провинциальном Томилине. Да-да, полковник милиции в отставке Каменская теперь работает в частном детективном агентстве, и это расследование — ее дебют на данном поприще. Теперь за ее спиной нет могущественного и влиятельного ведомства, и это как-то непривычно. Но от Насти по-прежнему требуется ее умение разговаривать и слушать, систематизировать факты, интуитивно — а это есть вершина ее «сысского таланта» — выбирать верное направление поисков. Словом, открывать все двери, которые встречаются на ее пути. Ведь за одной из них находится истина. Она-то неподвластна никаким переменам.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221634-3

© Алексеева М. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 8

Да, Стасов был прав, основа работы сыщика, хоть государственного, хоть частного, — это сбор и обработка информации. В течение нескольких дней Настя с утра до вечера разговаривала с людьми и изучала документы в поисках этой самой информации, записывала все сначала в блокнот, потом — в более систематизированном виде — переносила в свой компьютер, потом ужимала до самой сути и составляла отчеты для Стасова, и в конце концов ей стало казаться, что она знает наизусть биографии и характеристики всех, кто имеет хоть малейшее отношение к клубу «Золотой век». Но толку от этого не было никакого. Обилие информации породило у нее ощущение болота, в котором она тонула без какой бы то ни было надежды на спасение.

В субботу, 6 февраля, Настя выспалась от души, поднялась только в десятом часу, при-

няла душ, выпила кофе и решила прогулять Подружку, пока не открылось клубное кафе, где можно было съесть сытный вкусный завтрак. Она так и не выбралась в магазин, и все мечты о пусть недолговечной, но зато теплой одежде так и остались мечтами, поэтому Настя по-прежнему отчаянно мерзла, но мужественно водила старую собаку по аллее от главного дома до реки и обратно, глотая сырой ледяной воздух и едва сдерживая дрожь. Собака никуда не торопилась, тщательно выискивала кустики и деревья, обнюхивала, по каким-то только ей одной ведомым причинам отвергала и переходила к дальнейшим поискам, присаживалась, потом передумывала и трусила дальше.

— Подружка, миленькая, давай уже наконец сходим в туалет и пойдем в тепло, — ныла Настя.

Собака поднимала голову, смотрела на нее умными грустными глазами и вздыхала, словно хотела сказать: «Организму не прикажешь. Я не виновата, что он не слушается. У нас с ним инстинкт. Я бы и рада тебе помочь, но...»

Из кармана куртки донесся звонок телефона. В трубке послышался задыхающийся голос Тамары Виноградовой.

— Настя, вы где?

— С собакой гуляю. Что-то случилось?

— Да. Я вас жду в главном доме, в холле. Пожалуйста, приходите.

Настя спрятала телефон и строго посмотрела на Подружку.

— Все, дорогая моя, уговоры закончились. Или ты быстро делаешь свои дела, или в ближайшее время у тебя такой возможности не будет.

Собака понурила голову и немедленно присела. «Надо же, как будто она все понимает», — с удивлением подумала Настя. Отвести Подружку в зверинец? Или взять с собой в главный дом? Настя решила времени не терять и с собакой на поводке вошла в холл.

— Сиди здесь, только тихо и спокойно, — сказала она, оставляя Подружку у самой двери.

К ней уже спешила Тамара, бледная, с дрожащими губами.

— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Настя послушно пошла за ней в коридор налево от холла.

— Вот, смотрите.

Настя перевела глаза на пол, куда указывала Тамара, и увидела ключья разорванной материи.

— Что это? — в недоумении спросила она.

В памяти всплыли слова из статьи в «Томилинском экспрессе»: «На крик сбежались домочадцы, попытались утихомирить Ольгу, но она принялась рвать на себе волосы и одежду...» Неужели опять?

— Это костюм девятнадцатого века для спектакля, который мы ставили к Новому году. Я сама его шила.

Голос Тамары вибрировал, и непонятно было, то ли она так сильно напугана, то ли ей жалко своего труда.

— Где он был?

— В костюмерной, за музыкальным салоном. Вы там были, помните?

— Помню, — кивнула Настя. — Какие там двери? Я входила через музыкальный салон. А еще вход есть?

— Нет, только через салон.

— А окна?

— Есть одно окно, оно закрыто изнутри, я уже проверила.

— Когда вы это обнаружили?

— За две минуты до того, как позвонила вам. Я специально пришла к десяти часам, хотела поработать над костюмом для нового спектакля... И увидела вот это... Настя, сколько еще это будет продолжаться? У меня нервы крепкие, но ведь всему есть предел.

Настя оглянулась. В холле никого не было, в коридоре тоже.

— Кто-нибудь, кроме вас, это видел? — спросила она у Тамары.

— Кажется, никто. Я вошла, как только главный дом открыли, я еще перед входом пару минут постояла, пока охранник подошел с ключами. Вошла, оставила шубу в гардеробе и пошла к музыкальному салону. И увидела... А больше никого не было. По идее, администратор должна была уже прийти, но ее пока нет, что-то она опаздывает.

— Значит, уборщицы были здесь примерно с шести до восьми, — уточнила Настя.

— Или до половины девятого. Если бы они это увидели, они бы убрали. И мне позвонили бы или в охрану бы сообщили.

— Значит, тот, кто это сделал, был здесь между половиной девятого и десятью. Неужели никто не видел, как он входил в дом и выходил? Ведь белый день, уже давно светло. Странно.

— Значит, он ночует в доме, — уверенно ответила Тамара. — В гостиничных номерах.

— Нет, — Настя покачала головой, — это слишком опасно. У вас в гостинице проживают всего три человека, вычислить одного подозреваемого из трех — задачка для школь-

ника. Кроме того, все трое приехали сюда только после Нового года и к эпизодам с зеркалом и волосами не могут быть причастны. Я проверяла.

— Тогда как же это могло получиться? — растерянно спросила Тамара.

— Будем думать, — вздохнула Настя. — Надо здесь все убраться, пока никто больше не увидел.

Она вспомнила про свое намерение плотно позавтракать. А, кстати, как насчет работников кафе? Их личные дела Настя тоже не просто прочла — наизусть выучила. Ну и что? Она выяснила, что работники кафе — повара и официанты — приходят раньше, повара к восьми утра, официанты к девяти, но им вход главного дома не открывают, для них есть отдельная дверь, сбоку, через которую вносят продукты, а также скатерти с салфетками из прачечной. И в коридор, где валялись обрывки ткани, они не выходят, пока не откроется кафе, которое работает, как и клуб в целом, с десяти часов. Но что значит «они не выходят»? Это по правилам так. А что мешает кому-нибудь открыть дверь изнутри и выйти? Да ничего! Надо только, чтобы в зале кафе больше никого не было, чтобы никто не увидел.

А уборщица? Что ей может помешать убрать помещения, вымыть пол в коридоре и перед уходом разбросать по полу лохмотья? Тоже ничего. А сколько уборщиц работают одновременно? Кажется, пятеро. Поэтому уборка занимает так мало времени. Значит, надо ухитриться уйти последней и быть уверенной, что никто из коллег в коридор не вернется. Хотя Насте, кажется, говорили, что охранники после уборки осматривают помещения главного дома, прежде чем их запретить снова... Ну что ж, значит, можно еще раз плотно подумать о сотрудниках охраны.

На всякий случай Настя решила уточнить, в последнее время она перестала надеяться на свою память, которой раньше так гордилась и которая в прежние времена никогда ее не подводила.

— Как работают уборщицы?

— С шести утра убирают первый этаж и служебные кабинеты на втором этаже, потом уходят кто куда и возвращаются к одиннадцати часам убирать гостиничные номера, — рассеянно ответила Тамара.

— Сколько у вас уборщиц?

— Пять человек.

Значит, на этот раз память не подвела. Уже хорошо.

— Где у вас веник и совок? Давайте быстренько уберем здесь.

Тамара кинула на Настю странный взгляд и улыбнулась дрожащими губами.

— Зачем вам веник? Я руками быстрее соберу.

С этими словами она наклонилась и пошла вдоль коридора, проворными движениями собирая обрывки ткани. Настя мысленно позавидовала ей: с ее больной спиной этот фокус не проделаешь, она не может так легко и так быстро наклоняться, не держась обеими руками за поясницу.

— Здорово! — восхищенно произнесла она. — Я бы так не сумела.

Тамара зажала в кулачке последний лоскут и разогнулась.

— Не завидуйте, Настенька, я тоже уже много чего не могу. Была бы моя воля, я бы стригла и укладывала людям волосы с утра до ночи, как в молодости, а не могу — ноги устают, руки болят. Вы хоть позавтракать-то успели? Или вы планировали после прогулки, а я вас сорвала?

— Я собиралась в кафе поесть. Сейчас пой-

ду сделаю заказ, а пока они готовят, как раз собаку отведу.

— Я смотрю, вы к ней привязались, — заметила Тамара. — Не было мысли взять ее себе?

— Насовсем? — испугалась Настя. — Нет, я об этом не думала. Да и вряд ли это возможно.

— Почему?

— У нас с мужем нет четкого режима, он работает в Подмосковье, там же живут его родители, и он довольно часто остается там ночевать, если работы много. Я своим временем тоже не распоряжаюсь, то рано приду домой, а то среди ночи возвращаюсь. А животному ведь нужен режим, с ним гулять надо вовремя, кормить. Нет, нам с мужем собака противопоказана. Если только кошку взять, кошки от человеческого расписания меньше зависят.

— Ну, возьмите кошечку, у нас их вон сколько, — предложила Тамара. — Выберите какую-нибудь из уже пролеченных, самую красивую, молодую, здоровую.

Она понемногу приходила в себя от потрясения, и улыбка ее снова делалась легкой и уверенной.

— Спасибо, я подумаю, — пообещала Настя.

Она забежала в кафе, не раздеваясь, попросила приготовить ей яичницу с ветчиной и помидорами и оладьи с медом, а с собой прямо сейчас дать три пирожка с мясом и помчалась к выходу, где ее послушно ждала Подружка.

— Молодец, — похвалила ее Настя, — умешь быть терпеливой и ждать. За это тебе полагается награда.

Пирожки были съедены мгновенно, после чего Настя отвела собаку в зверинец и вернулась завтракать.

Итак, что она имеет на текущий момент? Никакого доктора исторических наук Аркадия Вольдемаровича в природе не существует. Есть некто, называющий себя этим именем и представляющийся ученым мужем. И этот некто пришел к молоденькой доверчивой журналистке Наталье Малец и наплел ей жуткую историю про усадьбу Румянцевых-Лобановых. Журналистка поверила и написала все, что ей навешали на уши. После чего в усадьбе началась демонстрация достоверности написанного. Все должны ужаснуться и поверить в то, что где-то совсем рядом ходит страшный убийца, он же

безумный потомок рода Румянцевых, и каждую минуту может выбрать себе следующую жертву. С этим все ясно. Вопрос в другом: убийства Корягиной и Павловой — звенья этой же цепи или они существуют сами по себе, а Аркадий Вольдемарович прицепился к ситуации позже?

У этого Аркадия в усадьбе есть поделщик, и все последние дни Настя занималась исключительно тем, что пыталась его вычислить. Пока ничего не получилось.

Она ела оладьи, поливая их медом, и смотрела на симпатичную официантку, которая, стоя у барной стойки, ловко сворачивала тканевые салфетки эдакими, как Настя мысленно выразилась, кандибоберами. Пальцы девушки двигались легко и быстро, она даже не смотрела на руки, работая и одновременно глядя на висящий над стойкой экран телевизора, по которому шла какая-то утренняя передача про моду. Что-то в этой картине царапало Настю, ей было неприятно и в то же время как-то тревожно, как во время экзамена, когда ты понимаешь, что развернуться и уйти уже нельзя и придется тянуть билет, но сам билет еще не вытащен, и ты еще не знаешь, повезло тебе или нет.

Настя отвела глаза, постаралась переключо-

читать мысль на что-нибудь другое — это всегда помогало, потом снова посмотрела на официантку и вдруг вспомнила пальцы Валерия Васильевича Полосухина, так споро орудующие иглой. Всего несколько дней назад она разговаривала с ним в комнате, где собирались любители вышивания, и поразилась тому, как работает Полосухин, одной рукой втыкая иголку сверху вниз, а другой выводя ее снизу вверх и безошибочно попадая в нужную дырочку канвы. Мастер по ремонту автомобилей, работавший в автосервисе... Ну-ну.

Рядом никого не было, в кафе Настя оказалась в тот момент единственной посетительницей, и вполне можно было позвонить и поговорить, не повышая голоса. Она набрала номер Сергея Зарубина, своего давнего коллеги по работе на Петровке.

— Сережа, тебе что-нибудь говорит фамилия Полосухин? — спросила она.

— Полосухин, Полосухин... — задумчиво повторил следом за ней Зарубин. — Если только Лерка Енот. Нет?

— Валерий Васильевич, — уточнила она.

— Ну точно, Лерка Енот. А откуда он выплыл? О нем уже лет десять ничего не слышно, мы думали, он на покой ушел. Или все-

таки ты про какого-то другого Полосухина спрашиваешь?

— Сереж, я не знаю, — призналась она. — Просто есть некто Валерий Васильевич Полосухин, и он мне не нравится.

— А чем не нравится? — заинтересовался Сергей. — Рожей не вышел?

— Рожа как рожа, а вот руки у него подозрительные. Больно ловкие для автослесаря.

— Ловкие, говоришь? Тогда точно Лерка Енот. Даже не сомневайся. Ему по ловкости рук равных нет на просторах нашей великой страны.

— Так кто это такой? Ты можешь внятно ответить?

— Ох, Настя Пална, — рассмеялся Зарубин, — ты всю жизнь на Петровке в убойном отделе проработала и ничего, кроме своих венценосных трупов, не знаешь, а я с земли пришел и знаю поболее твоего. Полосухин Валерий Васильевич — это целая легенда, воровал с тринадцати лет, ловкость рук необыкновенная, ему бы в цирке выступать. По основной специальности он был щипачом, карманником, но про него говорили, что у него в каждом пальце по паре глаз и по паре ушей, так что ручки у него не только ловкие, но и чуткие, он любой замок не то что от-

мычкой — проволокой мог открыть. Причем замок любой степени сложности. Несколько раз его ловили, но приходилось отпускать — доказать ничего не могли, так что официально он считается несудимым, хотя краж на нем — как на собаке блох. Но, как я уже сказал, последние лет десять о нем ничего не слышно. Мы, грешным делом, даже подумали, что помер наш Лерка Енот.

— А почему Енот? — поинтересовалась Настя.

— Потому что у енотов хвост в полосочку, — весело откликнулся Зарубин. — Полосухин в полосочку. Так где ты его нарыла?

— В Томилине.

— Где?!

— В Томилине, — терпеливо повторила Настя. — Меня Стасов сюда в командировку наладил.

— А Полосухин там что делает?

— Живет. Вернулся из эмиграции.

— Откуда-откуда? — недоверчиво переспросил Сергей.

— Из Германии. Ты прав, в последние десять лет он отошел от дел, потому что удачно женился и уехал с женой, этнической немкой, в Германию. Жил там припеваючи на социальное пособие, ничего не делал, в по-

толок плевал и вышиванием занимался, язык не выучил, потому как у него жена свободно по-немецки говорила. А потом жена умерла, и стало ему там совсем кисло, без языка-то. Работать так, как требуется в Германии, он не приучен, да и языка не знает, а просто так дома сидеть скучно, поговорить стало не с кем, ни одного вопроса решить не может. Вот и вернулся.

— На что же он живет? Неужели опять за старое взялся?

— Работает, как ни странно, но работа тут такая непыльная, времени свободного много, говорить можно на родном языке. Немножко поработает — и сидит себе, вышивает, ляды точит. Но есть у меня подозрение, что он нашел-таки себе приработок с использованием прежних навыков. Так что жди, Сереженька, позвонят тебе из Томилинского ОВД. Или Федулов, или Вторушин. Запомнил?

— Запомнил. Пусть звонят, расскажу, что знаю. Кстати, имей в виду, в ГИЦе есть пальчики Полосухина, так что если дело дойдет до идентификации личности, то это легко будет сделать.

— Учту.

В кафе по-прежнему было пусто, даже